

СЛУЧАЙНЫЕ ЖЕНЫ

ЖЕНА ПО ОШИБКЕ

ЖЕНА СО СКИДКОЙ

Глава 1

-Где моя невеста? — прогудел возмущенный мужской голос, чуть приглушенный тяжелой бархатной портьерой.

Я переступила с ноги на ногу, разминаясь, зябко передернула плечами.

Все, скоро мой выход.

Рядом как по мановению волшебной палочки возникла Марта и деловито захлопотала, расправляя складки белого подвенечного платья, смахивая одной ей заметные пылинки. Взглянула на меня тревожно:

— Как ты, девочка?

— Бывало и похуже. — Я попыталась улыбнуться, но по сочувствующему взгляду Марты поняла, что получилось не очень.

— Держись, осталось совсем немного.

Кивнула, прислушиваясь к тому, что происходит совсем рядом.

Секунда...

Другая...

— Так где же она? — нетерпеливо повторил невидимый мне мужчина.

Пора.

Набросила на лицо фату и, отодвинув портьеру, величественно выплыла на сцену. Вернее, попыталась выплыть... Но на втором же шаге мир вокруг вдруг подернулся рябью, исказился, и меня так резко качнуло в сторону, что я еле на ногах устояла. В виски впились тысячи крохотных иголочек, лицо опалило жаром, и снова с удвоенной силой вернулась головная боль, которую я до этого так удачно заглушила таблетками.

Надо же, как меня прихватило, похоже, это не просто простуда, а грипп. Неприятно и очень... очень некстати.

Получить главную роль и свалиться с температурой прямо на премьере, на глазах у всех! Ну уж нет. Не бывать этому.

Я справлюсь. Должна справиться.

До конца спектакля осталось не так много. Сейчас доберусь до своего так называемого жениха, за которого меня, сиротинушку, насильно выдают замуж. А когда начнется церемония, в храм ворвется мой геройский возлюбленный, воздаст всем злодеям по заслугам, и мы с ним радостно умчимся в закат. На этом все, слава тебе господи. Я смогу расслабиться и позволить себе заболеть, как любой нормальный человек.

А сейчас нельзя.

Нельзя, я сказала!

Попыталась сосредоточиться, стряхнуть странное оцепенение. Перед глазами все расплывалось, сцена тонула в белесом мареве, зрительного зала вообще не было видно. Лишь неясные силуэты колыхались где-то на грани видимости.

Замечательно, вот к ним и пойду.

Выдохнула и на ватных, подгибающихся ногах направилась к смутным фигурам, маячившим впереди.

— Ну наконец-то, я уже, признаться, заскучать успел, — насмешливо прокомментировал мужской голос. Неожиданно низкий, глубокий и совершенно не похожий на голос Макса, моего сценического жениха.

Вот и слуховые галлюцинации пожаловали.

Поскорее бы все это закончилось. А потом лечиться, лечиться и еще раз лечиться.

Шаг...

Второй...

Третий...

В звенящей тишине и тусклой дымке, мимо застывших поодаль теней.

Из тумана внезапно возник полукруглый постамент, и я со вздохом облегчения оперлась на него ладонью. Надеюсь, из зрительного зала этого неподобающего жеста «невесты» не видно, да и коллеги, если что, прикроют. А мне сейчас очень нужна хотя бы секундная передышка.

— Принимаешь ли ты дар богини? — грянуло откуда-то сверху. Так громко и торжественно, что я чуть на месте не подпрыгнула... Да, собственно, так и сделала бы, если бы силы оставались.

Дар богини? Что за ерунда? Галлюцинации галлюцинациями, но всему же есть предел. Таких слов в сценарии не было. И почему священник говорит женским голосом? В глазах, как назло, мутная пелена какая-то — не проморгаешься. Еще и фата эта дурацкая...

— О чем тут думать, дружище? Принимай! — пьяно расхохотались справа.

— Бери, Алистер! — весело поддержали слева. — Боги чем попало не одаривают. Не понравится, отдашь другому. Желаящие найдутся. В первый раз, что ли?

Со всех сторон послышались смешки, хмыканья, одобрительные выкрики.

Да что, черт возьми, здесь происходит?

— Вы все тут с ума посходили? — прошипела я гневно. Но вместо внятных слов вырвалось лишь сдавленное сипение. Во рту так пересохло, что каждый звук давался с трудом.

Попыталась оттолкнуться от постамента, шагнуть в сторону... Но отойти не успела. На мою ладонь опустилась мужская рука, тяжело припечатывая ее к опоре.

— Принимаю, — отчеканили рядом.

Над головой что-то гроыхнуло, вспыхнуло, и в наши прижатые друг к другу ладони ударила яркая фиолетовая молния, буквально прошив их насквозь и заставив меня на мгновение остолбенеть. Нет, боли я не чувствовала, но внезапно стало страшно... Очень страшно.

— Да будет так! — величественно провозгласили сверху.

Молния погасла, освобождая нас.

— Гхирх побери...

Чужая рука поспешно отдернулась. Похоже, мужчина был ошарашен случившимся не меньше меня.

И в это мгновение будто лопнул заполнявший окружающее пространство огромный мыльный пузырь. Перед глазами моментально прояснилось, и я увидела...

Нет, лучше бы я ничего не видела, честное слово.

Никаких следов сцены и зрительного зала, ни малейшего намека на кулисы. Я стояла посреди огромного полуразрушенного помещения, освещенного немногочисленными светильниками на уцелевших колоннах. А вот зрители моего феерического появления, как ни странно, нашлись: группа мужчин во вполне себе сценических нарядах и с выражением неподдельного удивления на лицах.

Господи... Так не бывает... просто не бывает... Или у меня уже горячечный бред?

М-да... Зря я все-таки героировала, пила всякие сомнительные порошки и тащила на сцену — стоило еще в антракте вызывать «Скорую помощь».

Слава, конечно, штука хорошая, но зачем она мне смертно?

Несколько секунд мы с мужчинами потрясенно пялились друг на друга. Не знаю, о чем они думали, я в этот момент не то что думать, даже с места двинуться не могла.

Опять начала кружиться голова, мелко подрагивали ноги, к этому прибавились противное першение в горле и стремительно поднимающаяся температура — меня знобило все сильнее. В общем, грипп как он есть, во всей своей красе. Спроси меня сейчас кто-нибудь, реальны ли эти люди вокруг или они лишь плод моего изнуренного лихорадкой, больного воображения, и я, пожалуй, затруднюсь ответить.

— Гхм...

Первым отмер блондин справа — статный, с величественной осанкой, в богато украшенном синем плаще. Он многозначительно откашлялся и, указав на меня, осведомился:

— Это что такое? Алистер, ты ее знаешь?

Взгляды присутствующих скрестились на стоявшем передо мной мужчине, который с замешательством и, как мне показалось, некоторым ужасом изучал свою ладонь.

Высокий, широкоплечий, с энергичным, волевым лицом, густыми темными волосами, собранными сзади в хвост, и яркими зелеными глазами. Эти глаза сразу приковывали к себе внимание. Четко очерченный, чуть выда-

ющийся вперед подбородок говорил о силе воли и решительности, граничащей с упрямством.

— Так кто она? — нетерпеливо повторил блондин.

Зеленые глаза раздраженно сверкнули:

— Вы у меня спрашиваете, ваше величество? Это была ваша затея, я лишь поддержал игру.

— Затеей моя, — не стал спорить тот, кого только что обозвали «его величеством». — Но вот это в наши планы точно не входило.

Он снова бесцеремонно ткнул в мою сторону пальцем. Не берусь судить, как там у блондина с величием, а вот хорошие манеры у него напрочь отсутствуют, тут даже сомневаться не приходится.

— Старуха! — неожиданно закричали сзади. — Нищенка, что изображала жрицу и развлекала нас забавными сказками об истинной любви. Это она все подстроила... Кстати, а где старуха? Куда подевалась?

Все разом заговорили, зашумели глухо и грозно, стали оглядываться, разыскивая кого-то. В этом безумном бедламе неподвижными оставались только мы двое: я и зеленоглазый Алистер, сверливший меня пристальным взглядом.

Пару мгновений мы молчали, а потом мужчина поднял руку и снова посмотрел на свою ладонь. Не представляю, что он там увидел, но это ему явно не понравилось.

— Ты кто такая? — прошипел он, сжимая пальцы в кулак и делая шаг вперед, ко мне.

Черт возьми!

— Отвечай, когда тебя спрашивают! Или язык проглотила?

Проглотить — не проглотила, а ни сказать, ни пошевелиться не удастся — будто одеревенела.

На красиво очерченных скулах заиграли желваки, мужчина обжег меня еще одним яростным взглядом и потянулся к фате, которая все еще закрывала мое лицо.

— Нет! — Я инстинктивно отшатнулась, выставила перед собой ладонь в защитном жесте, пытаясь хоть как-то отгородиться. И с облегчением поняла, что могу снова двигаться и говорить.

«Нет!» — подхватило эхо, взметнулось вверх, отразилось от стен и осыпалось вниз протяжным многоголосьем.

«Нет? Ты уверена?»

В мягком, призрачном голосе, прозвучавшем сразу отовсюду — словно со мной говорило вот это полуразрушенное здание, в котором я находилась, — слышались недоумение и легкое недовольство.

— Уверена, — подтвердила я, обращаясь... А впрочем, какая разница к кому? Ко всем сразу. Сил на то, чтобы удивляться, уже не осталось.

«Что ж, — дрогнул голос. — Твое право. Тогда... иди».

Что-то с силой ударило в грудь. Я пошатнулась, неловко взмахнула руками, попыталась ухватиться за что-нибудь, но пальцы поймали лишь воздух, и я, не удержавшись на ногах, полетела в темноту.

«Прими мой свадебный дар, дитя», — донеслось издалека затухающим отзвуком, и я словно взорвалась изнутри. Казалось, в жилах вместо крови потек жидкий огонь.

Последняя мысль, которая пришла в голову перед тем, как я потеряла сознание, была, конечно, абсурдной. Хотя... Куда уж абсурднее?

Ну, ничего себе, сходила за хлебушком...

* * *

Очнулась я в пустой, темной комнате — на этот раз, судя по всему, полуподвальной, похожей на склеп и на погреб разом. Везет мне, однако, нынче на незнакомые помещения.

Низкий сводчатый потолок, каменный пол и такие же стены, крошечное зарешеченное окно высоко над головой, почти не пропускающее свет. Сумрачно, тихо, пахнет затхлостью и пылью... Хорошо, хоть сухо и не очень холодно.

Я медленно поднялась на ноги и, стиснув зубы, пошла вперед. Чувствовала себя совершенно разбитой. Меня шатало из стороны в сторону и знобило так, что зубы стучали, но я шаг за шагом, упорно цепляясь за стену, брела к намеченной цели: массивной деревянной двери, которую заметила сразу же.

К выходу вели три высокие ступени — серьезная преграда для человека в моем состоянии. Когда же я все-таки заползла наверх, выяснилось, что дверь, ко всему прочему, крепко заперта, а на мои слабые удары и хриплые крики никто не отвечает.

Оставаться на ступенях было глупо и бесполезно. С каждой секундой мне становилось все хуже, так что я снова спустилась в подвал и направилась в дальний угол, где на полу у стены кто-то «любезно» раскидал солому. Там же валялся плащ — судя по размеру, детский, но теплый и плотный, кажется, даже шерстяной.

Легла, подтянула колени к груди, старательно укуталась в плащ и, постепенно согреваясь, уплыла в сон, больше похожий на обморок.

Простуда дело привычное, почти житейское, об этом все знают. Как и о том, что болеть можно по-разному. Между делом, на бегу, со стенаниями и жалобами всем и на все сразу, а иногда даже со вкусом и удовольствием. Особенно если зацепило тебя легко, на улице ветер с дождем, а дома тепло и очень уютно. Полулежишь в кресле, пьешь чай с малиной, смотришь любимый сериал, дремлешь, снова что-нибудь смотришь вполглаза или читаешь, и тебе совершенно не стыдно за собственное безделье. Сейчас имеешь на него полное право.

Я в своей не очень долгой пока жизни успела «погрипповать» по-всякому, но никогда еще мне не было настолько плохо.

Я просыпалась, вновь проваливалась в беспамятство и выздоравливать, похоже, не собиралась. Меня бросало то в жар, то в холод, горло драло, суставы ломило, а губы спеклись так, что я с трудом могла их приоткрыть.

В тяжелых снах проносились смутные, бредовые видения. Высокий светлый храм. Злое блондинистое «величество». Алистер, который упорно кого-то искал — и я даже догадывалась кого.

А еще я начала слышать голоса, вернее, голос, шептавший что-то о свадебном даре. Потом он истончился, затих, как будто выдохся, и его сменил жалобный детский плач. Он преследовал меня даже в забытии, звучал все громче и громче, перекрывая все остальные звуки. И, что самое

странное, я могла совершенно точно сказать, как выглядит ребенок и где он сейчас находится.

Сколько я провалялась в подвале, не знаю. Вокруг неизменно царил все тот же полумрак. Вечер, утро, день? непонятно, да и какая теперь разница?

Из очередного сна меня вырвали резкие удары, грохот, от которого содрогнулись стены, и быстрые размашистые шаги. А потом с меня бесцеремонно сорвали плащ, схватили за плечи и грубо затрясли.

Я с трудом разлепила веки и увидела склонившееся надо мной перекошенное от ярости мужское лицо. Совершенно незнакомое, между прочим.

Господи, еще один. Этому-то что от меня нужно? Явно ведь не лечить пришел, на врача даже отдаленно не похож. Да и добротой не отличается: видит, что человеку плохо, и все равно продолжает упорно тормозить. Если меня в результате сейчас опять куда-нибудь выкинет, это будет уже перебор. Я точно не доживу до счастливого приземления — погибну еще в полете.

Пошевелилась, пытаюсь высвободиться, но незнакомец и не думал отпускать. Он вообще оказался очень настойчивым — слабая попытка сопротивления его только разозлила. Сдавил мои плечи, еще раз потряхнул, уже сильнее, и угрожающе прорычал:

— Где она?

— Пи-и-ить, — выдохнула я в ответ, решив, что с паршивой овцы хоть шерсти клок.

Если этот настырный тип не желает оставить меня в покое и категорически намерен пообщаться, так и быть... Но пусть сначала хоть напиток даст.

Мужчина поморщился, но потом все-таки повернул голову и повелительно бросил куда-то за спину:

— Воды!

Через минуту в его руке оказалась пузатая кожаная фляга, а еще через мгновение я уже жадно глотала прохладную, восхитительно вкусную воду. Пила и никак не могла напиться.

— Так где она? — требовательно повторил мужчина, буквально отрывая от моих губ флягу и снова вцепляясь в плечи.

Вот ведь жадный какой.

Я уже собралась дальше торговаться и добиться для себя еще чего-нибудь — таблетки жаропонижающего, порошка, микстуры, или что там у них есть, — но следующая фраза заставила мгновенно насторожиться и забыть о собственных планах.

— Где Мисти? Скажешь ты наконец или нет? Она ведь была здесь, вот доказательство. — Передо мной махнули содранным с меня же плащом.

Мисти...

Я могла поклясться, что раньше никогда не слышала этого имени, и в то же время оно болезненным эхом отдавалось в душе, вызывало в памяти странные образы. Удивительно, но я, кажется, не просто догадывалась — твердо знала, кому оно принадлежит.

А еще сразу вспомнился безутешный детский плач.

— Мисти... Девочка? — на всякий случай переспросила я.

— Да.

— Худенькая, лет восьми... десяти, не больше. Серые глаза. Русые волосы заплетены в косу. Над верхней губой — маленькая родинка, — продолжала перечислять я.

— Да-да!

— В пышном голубом платье и такого же цвета туфельках.

— Это она! — Мужчина жадно дернулся ко мне. — Ты ее видела?

— Нет, — призналась я честно, и меня тут же с яростным возгласом отшвырнули прочь.

— Издеваешься? — Мужчина сжал кулаки, угрожающе нависая надо мной.

— Даже не думала. — Сдержала стон, потирая ушибленную при падении руку, и уставилась в побелевшие от ярости глаза. — Я никогда не видела эту девочку, но могу сказать, вернее, описать, где она находится.

Пауза.

Мужчина не сводил с меня хмурого, тяжелого взгляда — я почти физически чувствовала его недоверие, — потом резко выдохнул сквозь стиснутые зубы и велел:

— Говори.

— Островок посреди болота... Не очень далеко отсюда, но и не рядом... — медленно начала я.

Говорить было сложно, во рту опять пересохло, хотелось пить и клонило в сон. А еще видения стали путаться, ускользать, затягиваться липким серым туманом. Чего-то не хватало. И, повинувшись внезапному наитию, я потянула к себе плащ, который мужчина сейчас прижимал коленом.

— Отдайте.

Плащ мне отдали, причем немедленно и без вопросов.

Стиснула в ладонях кусок ткани, вдохнула тонкий, едва уловимый аромат. Виски заломило, словно туда кусочки льда приложили, и я внезапно увидела все — ясно и четко.

— Бревенчатый дом... Черный... Как после пожара... — зашпешила я, глотая слова. — Справа яма... Девочка в ней.

— Господин, я знаю, где это! — выкрикнул от двери взволнованный голос. — Охотничья сторожка в Серых топях.

Мужчина кивнул, соглашаясь. Резко поднялся.

— Поторопитесь, — просипела я ему в спину. — Яма наполняется водой.

Через мгновение рядом со мной уже никого не было.

Ушли... Ну и ладно. Хорошо, хоть плащ оставили. Или просто забыли?

Тяжелый разговор вымотал до предела, забрал последние силы, которых и так, в общем-то, не оставалось. Я снова свернулась калачиком, набросила на голову плащ, закрыла глаза и погрузилась в вязкую дремоту. Слава богу, хоть детский плач больше не слышала.

Следующее пробуждение вызвало стойкое чувство дежавю. Меня в очередной раз лишили «покрывала», разбудили, и я увидела перед собой все того же мужчину, внимательно меня рассматривающего.

Ну сколько можно? В конце концов, всему есть предел.

— Слушайте, что вам опять нужно? — зло проскрипела я. — Не хотите помогать, так дайте хоть умереть спокойно, а?

Перевернулась на другой бок, потянула на себя злосчастный плащ, намереваясь укрыться и заснуть — вопреки всему, но мне не позволили этого сделать. Сильные руки

подхватили меня с пола, тщательно закутали во что-то пушистое, теплое и...

— Спасибо, — услышала я совершенно неожиданно.

А потом меня прижали к груди и понесли прочь из подвала.

Глава 2

«Прими, — пронзительным комариным писком звенело в голове. — Прими дар».

Что там мне пытались всучить и призывали принять, было непонятно, поэтому я вяло отмахивалась от назойливого требования. Не надо нам ваших подарков, от такого сомнительного счастья и помереть недолго. Хочу спать, просто спать.

И я спала.

Иногда ненадолго приходила в себя, безропотно пила горькую, тягучую жидкость из бокала, который подносили к моему рту, глотала какие-то порошки и снова уплывала в болезненное забытье.

«Прими свой дар, дитя, — заводил привычную песню все тот же уже изрядно надоевший голос. — Прими. Впусти. Откройся. И станет легче».

И я наконец не выдержала.

«Принимаю», — буркнула мысленно.

Что-то вспыхнуло перед закрытыми глазами, в груди стало горячо, сердце забилось часто-часто, как будто там, в самом его центре, поселилась маленькая огненная искра. Потом по телу разлилось приятное тепло, настырный голос затих, и я крепко уснула, чтобы очнуться уже совершенно здоровой.

Еще не открывая глаз, сладко потянулась. Тело звенело от переполнявшей его энергии, от простуды не осталось и следа, и я не сдержала радостной улыбки. Как же хорошо! Сейчас еще пару минут поваляюсь, дальше — душ, звонок в театр и завтрак. Нет, сначала завтрак, затем звонок, уж очень есть хочется, просто зверски. Но в принципе можно и совместить.

В театре, наверное, волнуются, пусть не все, но Марта точно. Я ведь даже не знаю, как после премьеры домой до-

бралась. Все словно в тумане. А вот навешанные болезнью и высокой температурой кошмары помню отчетливо, хотя на самом деле с удовольствием бы их забыла.

Пьяная компания во главе с «самим» королем. Странная церемония. Грязный подвал. Солома. И голоса... Брр, привидится же подобное. Никогда больше не выйду на сцену в таком плачевном, почти бессознательном состоянии. Клянусь.

Еще раз потянулась, перевернулась на другой бок и...

— Проснулась, деточка? — неожиданно раздалось над самым ухом. — Вот и хорошо. Вот и славно.

Приятной истомы как не бывало.

Я резво подскочила, прижимая к груди одеяло, и уставилась на невысокую миловидную женщину в строгом темном платье. Что она делает у меня дома? Или... Я у нее?

Сглотнув тугой комок, образовавшийся в горле, медленно огляделась.

Небольшая, чистая, скромно обставленная комната. Узкая кровать, на которой я, собственно, и сижу, тумбочка, стол, кресло у окна, шкаф в углу. Добротная, антикварная мебель... пожалуй, даже симпатичная в своей старомодной элегантности, но совершенно не моя.

Нет, я уже в принципе начала догадываться. Гнала от себя внезапно появившиеся мысли — нелепые, путанные, панические, но они упорно возвращались.

— Где я?

— В Ростас-холле.

Повисла пауза, и моя собеседница недоуменно нахмурилась — видимо, все просто обязаны были знать, что это за Ростас-холл такой.

— Я не местная, — пробормотала торопливо.

Взгляд женщины чуть смягчился, и она снисходительно пояснила:

— Ростас-холл — особняк господина Лоттера. Хозяин лично принес вас сюда пять дней назад. Вызвал лекаря и приказал позаботиться. Вы были без сознания, бредили.

Черт побери! Значит, это не галлюцинации, не вымысел больного воображения. Все произошло на самом деле.

Я со стоном откинулась на подушку.

— Вам плохо? — переполошилась женщина, подаваясь ко мне.

— Нет-нет, не беспокойтесь. Голова немного закружилась. А господин... ммм... Лоттер дома?

— Да, у хозяйина сейчас гость, но как только он освободится, я доложу, что вы пришли в себя. Он приказал немедленно поставить его в известность, если ваше состояние изменится. Хотите еще отдохнуть?

— Нет уж. — Я решительно тряхнула головой. — Наотдыхалась, хватит.

Женщина одобрительно кивнула. Судя по всему, она тоже считала, что слишком долго валяться в кровати вредно.

— Тогда я принесу вам платье.

— Подождите. — Я торопливо коснулась ее руки. — Девочка... Мисти... С ней все в порядке?

— Да. — На лице собеседницы расцвела широкая, невероятной теплой улыбка. — Малышка жива, хвала Солнцеликому. Хозяин сказал, вы помогли ее искать... Спасибо. Боги не забудут вашей доброты.

Она вышла. Как только дверь закрылась, я закуталась в одеяло, бросилась к окну, торопливо отодвинула край шторы и замерла, изучая открывшийся мне вид: цветочные клумбы, подъездную аллею, ведущую к высокому мраморному крыльцу, и вдалеке — ограду с широкими массивными воротами из странного светящегося материала.

Это не Земля. Я в чужом мире... В чужом! Только так можно объяснить все, что со мной приключилось. Но как я сюда попала? Почему?

Пока я пялилась в окно, отчаянно пытаюсь собрать разбегающиеся в разные стороны мысли, дверь дома открылась, на крыльцо вышли двое — и я в очередной раз застыла каменным изваянием.

Рядом с тем самым господином Лоттером, моим недавним спасителем, небрежно касаясь перил, шел зеленоглазый Алистер. Чтоб ему пусто было!

Мужчины спустились с крыльца и неспешно двинулись по аллее, о чем-то беседуя. Их серьезные, сосредоточенные лица мне совсем не понравились. Нет, они, разумеется, могли обсуждать все, что угодно, начиная от погоды и видов

на урожай и заканчивая здоровьем маленькой Мисти. Но ведь не исключено, что прямо сейчас, в этот самый миг, там, внизу, обсуждают именно меня.

«Знаешь, — говорит, например, Лоттер, — я тут в запортом подвале девицу в грязном подвенечном платье нашел. Спала на соломе, как у себя дома, а когда я ее разбудил, еще и прогнать меня пыталась. Представляешь?»

«В подвенечном платье? Совершенно бесхозную? — оживляется Алистер — Очень интересно. Я как раз разыскиваю одну такую. А фата на ней была?»

Попадаться в руки зеленоглазого друга здешнего короля категорически не хотелось. Я никак не могла забыть неприязнь, с которой он на меня смотрел, и сказанные ему слова: «Не понравится, отдашь другому. Желающие найдутся». Нет уж, благодарю покорно, я не вещь, чтобы передавать меня за ненадобностью.

Зябко поежилась, перевела взгляд на ладонь... Ни шрама, ни ожога, ни царапинки, ни единого следа — гладкая чистая кожа. Странно. Не привиделась же мне та молния, в самом деле?

Мужчины тем временем закончили разговор и пожали друг другу руки. К Алистеру подвели жеребца, он, вскочив в седло, крикнул что-то на прощание и умчался прочь, а Лоттер повернул обратно к дому. Я инстинктивно отпрянула, задернула занавеску и тут же досадливо тряхнула головой: веду себя как ребенок, пойманный за подглядыванием.

— Хм... — раздалось от двери сухое покашливание. — Гхм... Вы уже поднялись, как я вижу.

Служанка...

И когда только успела войти?

Или она не служанка вовсе?

— Поднялась, — согласилась я с очевидным. — Красиво тут у вас...

Махнула рукой в сторону окна, подхватила сползающее вниз одеяло и вежливо улыбнулась. Ну, подумаешь, полуголая, нечесаная и неумытая гостья бросилась с утра пораньше любоваться окрестностями. Дело житейское. Надеюсь, у них это не запрещено?